

СВЯЗЬ ТРЕВОЖНОСТИ ЛИЧНОСТИ С ПРЕДСТАВЛЕНИЯМИ О ГЕНДЕРНОМ РАВЕНСТВЕ И ОТЦОВСКОЙ ЗАБОТЕ У МОЛОДЕЖИ ДЕВЯТИ РЕГИОНОВ РОССИИ

Для цитирования:

Буркова В.Н., Бутовская М.Л.,
Войнова Р.А., Галимханов А.Б.,
Егорова А.И., Калининченко О.В.,
Колтун Г.Г., Кониева О.Н., Кудзиева Ф.С.,
Мантатова Н.В., Маштыков С.С.,
Милаева Т.В., Сподина В.И.

Связь тревожности личности с представ-
лениями о гендерном равенстве и отцов-
ской заботе у молодежи девяти регионов
России // Ученые записки Института пси-
хологии Российской академии наук. 2026.
Т. 6. № 1(18). С. 92-108.

DOI: 10.38098/proceedings_2026_06_01_9

Burkova V.N., Butovskaya M.L.,
Voinova R.A., Galimkhanov A.B.,
Egorova A.I., Kalinichenko O.V., Koltun G.G.,
Konieva O.N., Kudzieva F.S., Mantatova N.V.,
Mashtykov S.S., Milaeva T.V., Spodina V.I.

The relationship of anxiety with personal
ideas about gender equality and paternal care
among young people in nine regions of Russia.
Proceedings of the Institute of Psychology of
the Russian Academy of Sciences. 2026, Vol. 6,
No 1(18), Pp. 92-108.

DOI: 10.38098/proceedings_2026_06_01_9

Буркова В.Н.

Кандидат исторических наук, Центр кросс-культурной психологии
и этологии человека, Институт этнологии и антропологии РАН,
Москва, Россия,
burkovav@gmail.com; ORCID: 0000-0003-4777-0224

Бутовская М.Л.

Доктор исторических наук, член-корреспондент РАН, профессор,
Российский государственный гуманитарный университет,
Москва, Россия
marina.butovskaya@gmail.com; ORCID: 0000-0002-5528-0519

Войнова Р.А.

Северо-Осетинский государственный университет
им. К.Л. Хетагурова, Владикавказ, Россия
r-voinova@yandex.ru

Галимханов А.Б.

Кандидат юридических наук, доцент, Институт права,
Уфимский университет науки и технологий, Уфа, Россия
alflaw@mail.ru; ORCID: 0000-0002-0052-2912

Егорова А.И.

Кандидат психологических наук, доцент, Институт психологии, Северо-Восточный
федеральный университет им. М.К. Аммосова, Якутск, Россия
aidaego@mail.ru; ORCID: 0000-0002-7985-4134

Калининченко О.В.

Кандидат психологических наук, доцент, Дальневосточный Федеральный университет,
Владивосток, Россия
Kalynich1@mail.ru; ORCID: 0009-0001-9022-0298

Колтун Г.Г.

Кандидат сельскохозяйственных наук, доцент, Приморский государственный аграрно-
технологический университет, Уссурийск, Россия
gulin77@mail.ru; ORCID: 0000-0001-8458-5904

Кониева О.Н.

Кандидат сельскохозяйственных наук, доцент, Калмыцкий государственный университет
им. Б.Б. Городовикова, Элиста, Россия
oksanakonieva@mail.ru; ORCID: 0000-0002-6117-2354

Кудзиева Ф.С.

Кандидат социологических наук, доцент, Северо-Осетинский государственный университет
им. К.Л. Хетагурова, Владикавказ, Россия
kudz-fatima@yandex.ru

Мантатова Н.В.

Доктор ветеринарных наук, профессор, Бурятская государственная сельскохозяйственная академия им. В.Р. Филиппова, Улан-Удэ, Россия
mannat75@yandex.ru; ORCID: 0009-0009-7873-5369

Маштыков С.С.

Кандидат биологических наук, доцент, Калмыцкий государственный университет им. Б.Б. Городовикова, Элиста, Россия
sanal2004@list.ru; ORCID: 0000-0003-0329-2013

Милаева Т.В.

Кандидат психологических наук, доцент, Институт социально-экономических и энергетических проблем Севера Коми научного центра Уральского отделения РАН, Сыктывкар, Россия
tasha20012001@inbox.ru; ORCID: 0000-0002-1675-2915

Сподина В.И.

Доктор исторических наук, Обско-угорский институт прикладных исследований и разработок, Ханты-Мансийск, Россия
vspodina@mail.ru; ORCID: 0000-0002-6252-7831

Целью данного исследования стал сравнительный анализ взаимосвязи уровня тревожности личности с представлениями о гендерном равенстве и ретроспективе отцовской заботы у российской молодежи из девяти регионов России с учетом социодемографических факторов. Общая выборка составила 2443 человек (студенты различных ВУЗов из девяти регионов России). Анализ данных показал более высокую связь тревожности с социодемографическими факторами (пол, религиозность, регион проживания), чем с психологическими (отцовская забота и представления о гендерном равенстве), важное значение имел экономический фактор. Полученные результаты свидетельствуют о том, что трансформация традиционных семейных ценностей может негативно влиять на психологическое благополучие, причем женская часть населения оказывается наиболее уязвимой. Существенное значение в этом процессе имеют социокультурные детерминанты.

Ключевые слова: личная тревожность, ГТР-7, отцовская забота, равенство полов, кросс-культурные исследования, религия, семейный достаток, российская молодежь

Введение

Тревожные расстройства входят в число самых распространенных проблем психического здоровья в современном мире. По данным ВОЗ тревожными расстройствами на сегодняшний день страдает примерно 4,4% мирового населения¹. По данным НМИЦ психиатрии и наркологии им. В.П. Сербского (2022), с подобными расстройствами в России ежегодно сталкивается порядка 8 миллионов человек (около 5,5% населения) (Алимова, 2025).

Симптомы социальной тревожности достигают максимума в подростковом возрасте, — периоде повышенной психологической уязвимости, связанной с нормативными изменениями в когнитивной, аффективной и социальной сферах. Несмотря на вклад обоих родителей в форми-

рование данной симптоматики, согласно одной из распространенных теоретических моделей, роль отцовского влияния является особенно значимой (Загвязинский, Чехонин, 2017; Howard, Oshri, Card et al., 2025). Современные исследования выделяют специфическое влияние отцов на качество воспитания, эмоциональный климат в семье, успешность ребенка в будущем (Калина, 2019; Diniz, Brandão, Monteiro, Veríssimo, 2021). При этом гиперконтроль со стороны родителей связан с повышенным уровнем социальной тревожности и дефицитом эмоциональной саморегуляции у детей (Garcia, Carlton, Richey, 2021). Способы и влияние отцовского участия в воспитании и на развитие ребенка не являются универсальными. Они детерминированы сложным взаимодействием множества факторов на индивидуальном,

¹ <https://www.who.int/ru/news-room/fact-sheets/detail/anxiety-disorders>

социальном, культурном и экологическом уровнях (Буркова, Бутовская, Ермаков, и др., 2025a; Cabrera, Volling, Barr, 2018; Semenova, Figueredo, Tokumaru et al., 2024).

Помимо взаимоотношений с родителями важное значение имеет и структура семейных отношений, в том числе распределение ролей между членами семьи. Сегодня границы между мужскими и женскими ролями в семье и обществе становятся более гибкими: мужчины активнее участвуют в воспитании детей и домашних делах, а женщины чаще берут на себя традиционно мужские обязанности. В научной литературе отмечается, что в России наблюдается кризис отцовства, обусловленный глубокими изменениями в институте семьи, трансформацией мужской идентичности и переосмыслением роли власти (см. работы О.В. Ключко, И.С. Клециной, А.А. Ваньке, Т.Ю. Гулевич, С.В. Захарова, социологические и демографические исследования Росстата, НИУ ВШЭ, РАНХиГС). Любые трансформации в любом обществе сопровождаются повышением тревожности, исследования психологических реакций на глобальные вызовы показывают, что различные факторы психологической уязвимости могут играть большую роль в развитии стресса, включая переменные индивидуальных различий, такие как склонность к тревоге (беспокойству), нетерпимость к неопределенности, и другие личностные качества (Burkova, Butovskaya, Randall, Fedenok et al., 2021, 2022; Taylor, 2019).

Все эти факторы формируются под влиянием среды. Анализ литературы по кросс-культурным аспектам тревожных расстройств позволил выявить ряд культурно обусловленных этнопсихологических/этнофизиологических и контекстуальных факторов, влияющих на тревожные расстройства (Hofmann, Hinton, 2014). Первые включают представления человека о психических и телесных процессах (и их взаимодействии). Вторые связаны с социальными нормами и правилами, которые могут способствовать возникновению тревоги, включая степень индивидуализма/коллективизма и самовосприятие. Кросс-культурные и кросс-национальные исследования депрессии и тревоги с использованием самооценок показывают различия между странами, культурами и этническими группами (Буркова, Бутовская, Феденок и др., 2022;

Bredström, 2019; Burkova, Butovskaya, Randall, Fedenok et al., 2021, 2022; Wisner, Moses-Kolko, Sit, 2010). В данных исследованиях предпринимается попытка выявить, какие аспекты при оценке депрессии и тревоги могут быть независимыми от культуры или наоборот, специфическими (Canino, Alegria, 2008; Quintana, Ponce, Escudero-Pastén et al., 2024). Одним из универсальных факторов выделяют экономический. Согласно данным систематических обзоров, повышенный уровень распространенности расстройств психики и поведения наблюдается в странах с низким и средним уровнем дохода (Ridley, Rao, Schilbach, Patel, 2020).

В задачи нашего исследования входило выявление социодемографических и психометрических факторов, оказывающих влияние на уровень тревожности у современной российской молодежи из разных регионов страны.

Методы и процедура исследования

С целью оценки исследуемых показателей было проведено анкетирование студентов из девяти регионов России. Каждый из соавторов данной работы опрашивал респондентов в своем регионе. Протокол исследования утвержден Этическим комитетом Института этнологии и антропологии Российской академии наук (Протокол № 11 от 22.09.2022 г.) в соответствии с принятыми международными нормами. Все респонденты перед началом опроса давали письменное добровольное согласие. Заполнение занимало около 20 минут, участники не получали вознаграждения.

Общая выборка составила 2443 человек — студенты различных ВУЗов из следующих регионов России: Башкортостан, Бурятия, Калмыкия, Москва и Московская область, Республика Коми, Приморский край, Республика Северная Осетия-Алания, Ханты-Мансийский Автономный Округ, Якутия (табл. 1). Выбор регионов определялся техническими возможностями сотрудничества с коллегами из данных регионов и их доступом к сбору статистически значимой выборки.

Из участия в опросах исключались лица младше 18 лет и те, кто ответили утвердительно на вопрос о наличии хронического заболевания, в том числе тревожного расстройства и депрессии.

Таблица 1. Выборка исследования

РЕГИОН	Всего	ПОЛ		Средний возраст (станд. откл.)
		муж.	жен.	
БАШКОРТОСТАН	315	197	118	24,37 (±10,64)
БУРЯТИЯ	466	203	263	20,28 (±2,54)
КАЛМЫКИЯ	377	159	218	18,90 (±4,48)
МОСКВА И МОСК. ОБЛ.	257	65	190	22,24 (±8,62)
РЕСПУБЛИКА КОМИ	104	12	92	19,60 (±1,59)
ПРИМОРСКИЙ КРАЙ	425	170	255	20,53 (±2,98)
СЕВЕРНАЯ ОСЕТИЯ	184	49	135	22,60 (±5,22)
ХМАО	128	28	100	31,07 (±13,47)
ЯКУТИЯ	160	38	122	21,13 (±0,42)
ВСЕГО	2443	930	1513	22,28 (±7,86)

Все респонденты заполняли демографическую анкету (пол, возраст, этничность, семейный статус, наличие и количество сиблингов, религиозная принадлежность и др.). Для выявления психометрических характеристик были использованы следующие опросники:

- Опросник Генерализованного Тревожного Расстройства (ГТР-7) в адаптированной русскоязычной версии (Золотарева, 2023; Spitzer R.L., Kroenke, Williams, Lowe, 2006), описывающий симптомы тревожности и ГТР на основе личных ощущений респондента в течение последних 14 дней. Сумма баллов дает представление об уровне тревоги: минимальный, легкий, умеренный, тяжелый. Показатель ≥ 10 баллов указывает на вероятный диагноз генерализованного тревожного расстройства. Коэффициент надежности альфа Кронбаха по этой шкале для наших данных составил 0,950.
- Короткая версия шкалы родительских усилий (*Parental Effort Scale*) (Cabeza De Baca, Figueredo, Ellis, 2021) — респондентам было предложено проанализировать и описать воспитательные методы, которые применяли к ним и сиблингам их отцы в детстве, оценить степень отцовского участия. Такой подход позволил собрать разносторонние данные о роли отца в семье через призму детских воспоминаний и текущих оценок взрослых детей. Отцовская забота оценивались в трех показателях: 1) *Ежедневная отцовская забота* (ежедневные родительские обязанности, такие как питание, гигиена, уход, здоровье, успеваемость) — альфа Кронбаха=0,785; 2) *Регулярная отцовская забота* (совместные прогулки, занятия спортом, знакомство отца с интересами ребенка, с кругом его друзей и учебой) — альфа Кронбаха=0,939; 3) *Вневременная отцовская*

забота (внимание и участие в воспитании, разговоры о событиях в мире, о личных переживаниях детей, о вреде наркотиков, обучение манерам, планирование карьеры и будущего) — альфа Кронбаха=0,928.

- Короткая версия опросника «Отношение к женщинам» (Spence, Helmreich, Stapp, 1973). Данная шкала служит отражением определенных культурных особенностей, связанных со стандартами мужского и женского поведения в социуме, местом женщины в семье и обществе. Сумма всех баллов формирует фактор «Равенство полов» (максимальные оценки соответствуют наиболее феминистским взглядам). Коэффициент надежности альфа Кронбаха составил 0,863.
- Для самооценки уровня семейного достатка была использована шкала экономических параметров, состоящая из 10 вопросов, из опросника «Ранние средовые влияния» в русскоязычной версии (Семенова, 2021), в которой респонденты отвечали на ряд вопросов о том, в каких условиях жили респонденты в детстве. Сумма всех баллов формирует фактор «Семейный достаток» (максимальные оценки соответствуют максимальному уровню бедности). Коэффициент надежности альфа Кронбаха составил 0,683.

Все данные были проанализированы с использованием статистической программы SPSS (версия 29.0) и программной среды Python.

Цель и гипотеза исследования. Цель исследования — проанализировать взаимосвязь уровня тревожности, представлений о гендерном равенстве и ретроспективе отцовской заботы у российской молодежи из различных регионов России с учетом социодемографических факторов. Влияние материнской заботы в данной работе не исследовалось.

В исследовании были сформулированы следующие гипотезы:

- женщины из всех регионов будут иметь более высокие оценки уровня тревожности, чем мужчины;
- регионы будут различаться по уровням тревожности и гендерного равенства;
- уровень тревожности будет различаться в зависимости от религиозной принадлежности;
- тревожность будет положительно связана с гендерным равенством;
- высокие оценки уровня тревожности будут иметь респонденты, описывающие отцовскую работу на более низком уровне;
- более тревожные респонденты будут из городской местности и из неполных семей;
- высокий уровень бедности будет положительно коррелировать с уровнем тревожности.

Результаты и их анализ

Результаты Обобщенной Линейной Модели (ОЛМ) одномерного дисперсионного анализа с зависимой переменной «тревожность» и набором независимых социодемографических переменных (регион, пол, возраст, количество сиблингов, место проживания, религиозная принадлежность (на основе самооценки), семейный статус родительской семьи (полная/в разводе)) показали наиболее значимый эффект пола и региона проживания респондента (табл. 2). Менее значимая связь обнаружена с религиозной принадлежностью и местом проживания респондента до 18 лет (в городе или в сельской местности) — сельские жители имели более высокий уровень тревожности по сравнению с городскими. Остальные факторы не показали значимой взаимосвязи с уровнем тревожности.

Таблица 2. Взаимосвязь уровня тревожности и социодемографических факторов

Независимые переменные	Степень свободы	F-критерий	Значимость	Частичная эта — квадрат
Регион	8	44,46	<0,001	0,146
Пол	1	103,79	<0,001	0,047
Возраст	50	0,992	не значимо	
Количество сиблингов	10	1,26	не значимо	
Место проживания (город — село)	2	3,25	0,039	0,003
Религиозная принадлежность	4	5,10	<0,001	0,010
Семейный статус	2	1,45	не значимо	

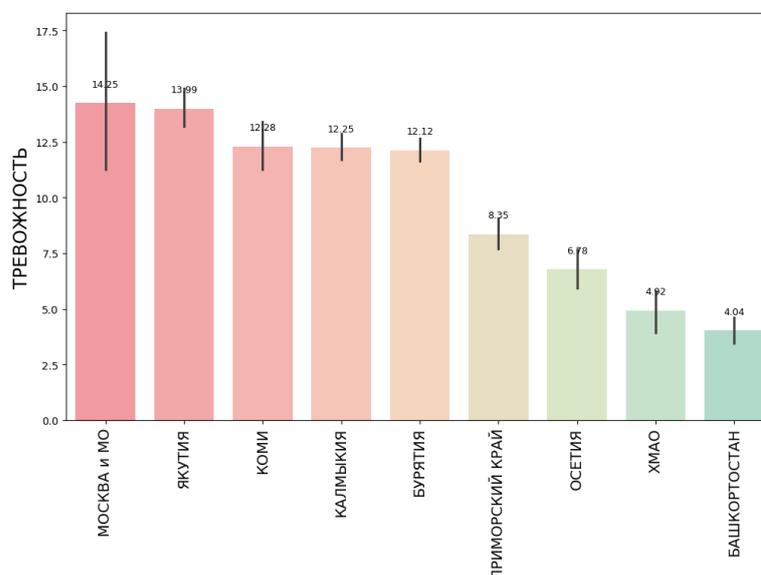

Рис. 1. Средние значения по шкале тревожности ГТР-7 в разных регионах

На представленной визуализации средних значений по шкале тревожность в исследованных регионах показано, что самые тревожные респонденты живут в Москве, Московской области и Республике Якутия (рис. 1), наименее тревожные — в Башкортостане и ХМАО. Во всех регионах женщины демонстрировали более высокие средние оценки тревоги, чем мужчины (муж. = 7,54; жен. = 10,85; t -критерий = -11,486; df = 2164; p < 0,001; Cohen's d = -0,497). Эти данные по половым отличиям согласуются с подавляющим большинством исследованных популяций (Таукенова и др., 2024; Burkova et al., 2021; Delgado-Herrera et al., 2024; Spitzer et al., 2006).

Результаты исследования, собранные нами в 2020 г. во время пандемии COVID-19, также показали наиболее высокие оценки тревожности ГТР-7 в Москве по сравнению с другими регионами. Однако новые данные по ХМАО отличаются от полученных ранее, во время эпидемии они были существенно выше по сравнению с другими регионами (Буркова, Бутовская и др., 2022). Тогда как в данном исследовании этот регион показывает один из наименьших уровней, снизившись с 5,89 до 4,92 баллов. Для Москвы, напротив, уровень тревожности вырос в 2 раза — по сравнению с пандемийными данными (7,19 в 2022 г. против 14,25 в 2025 г.). Другие авторы также сообщают о более высоком уровне тревожности в Москве

по сравнению с другими городами России (Таукенова и др., 2024). Повышенные показатели тревожности у москвичей, вероятно, объясняются совокупностью специфических стрессоров мегаполиса: ускоренным ритмом жизни, высокой конкуренцией на рынке труда, пробками и неблагоприятной экологической обстановкой. В ряде недавних работ также отмечались риски более высокого уровня тревоги внутри и вблизи крупнейших агломераций (Москва и Московская область в нашей выборке), в северных регионах (Якутия, Коми, Бурятия в нашей выборке, но не ХМАО), в слаборазвитых южных регионах (Zemtsov, Baburin, 2020).

При распределении данных по уровням тревожности (легкая ≥ 5 , умеренная — при ≥ 10 , тяжелая — при ≥ 15 ; показатель ≥ 10 указывает на вероятный диагноз ГТР) мы также наблюдаем значительное число респондентов, попадающих в группу с тяжелым уровнем тревожности — особенно в Якутии, Москве, Коми. Полученные данные вызывают определенные опасения в отношении психического здоровья молодежи. По сравнению с допандемийными данными, процент молодых людей с диагнозом ГТР вырос в период COVID-19, а к 2025 г. этот показатель стал еще выше. Так, в 2020 г. в Москве было 8,62% с тяжелым (высоким) уровнем ГТР-7 и 19,40% с умеренным (средним) (Буркова, Бутовская и др., 2022), а в 2025 г. мы имеем уже 33,3% и 41,7%, соответственно (рис. 2).

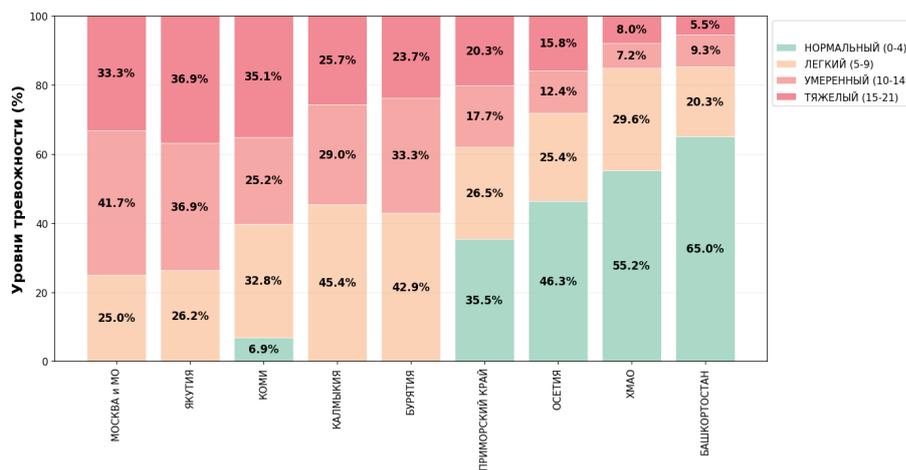

Рис. 2. Распределение (%) по уровням тревожности ГТР-7 в разных регионах

Далее был проведен анализ взаимосвязи фактора религиозности с уровнем тревожности. Выборка была представлена респондентами разных религиозных конфессий и неверующими: 38,1% — православные, 5,9% — ислам (преимущественно Башкортостан), 23,3% — буддизм (Калмыкия и Бурятия), 26,9% — атеизм/агностицизм, 5,8% — язычество (преимущественно Якутия и ХМАО).

Поскольку ОЛМ анализ (табл. 2) выявил значимую связь религиозных представлений и уровня тревожности респондентов, нами было визуализировано распределение средних значений по религиозным группам (рис. 3). Наиболее тревожными оказались буддисты, язычники и атеисты, тогда как православные и мусульмане характеризовались более низкими значениями (рис. 3).

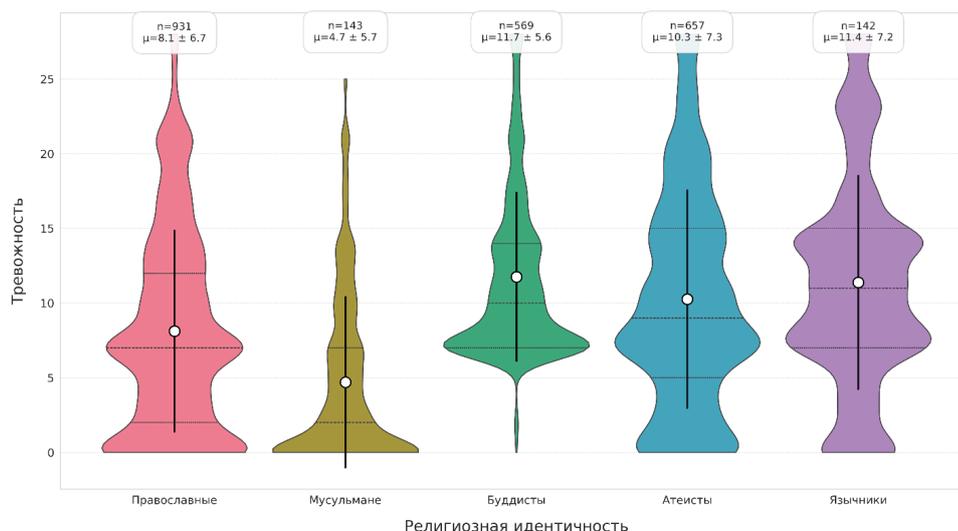

Рис. 3. Средние значения по шкале тревожности ГТР-7 в разных религиозных группах

Исследователи указывают, что приверженность религии относится к числу защитных факторов от нестабильности, включая семейные отношения. Несколько исследований показали, что религиозные убеждения положительно связаны с долголетием и отрицательно коррелируют с депрессивными симптомами (McCullough, Hoyt et al., 2000). Метаанализ взаимосвязи между религиозными/духовными убеждениями и депрессивными симптомами в 147 исследованиях показал отрицательную корреляцию между религиозными убеждениями и депрессивными симптомами (Smith, McCullough, Poll, 2003). В систематическом обзоре 2012 г., в котором анализировалась связь между религиозными и духовными убеждениями у подростков и молодых взрослых и широким спектром переменных, таких как благополучие, депрессия, расстройства личности и рискованное поведение, была обнаружена взаимосвязь высокого уровня религиозности и духовности с более низкими показателями симптомов депрессии (Yonker, Schnabelrauch, DeHaan, 2012).

Хотя религиозность и духовность связывают с положительными результатами в области психического здоровья у взрослых, существуют данные, свидетельствующие о том, что негативные аспекты религиозности связаны и с ухудшением психического здоровья (Aggarwal, Wright et al., 2023). Наши результаты в целом подтверждают положительные эффекты, однако высокий уро-

вень тревожности у буддистов из общей выборки «выбивается из теории» (поскольку язычество носит более поверхностный характер в исследованных регионах, мы склонны думать, что оценки по язычникам скорее соотносятся с результатами по атеистам). Важно отметить, что в исследовании оценивалась лишь субъективная оценка респондентов их принадлежности той или иной религии. Уровень религиозной вовлеченности участников исследования и их религиозных практик, степень их религиозности нами не измерялся, что может в перспективе дать более детальные результаты о взаимосвязи религиозной идентичности и личностных характеристик.

При анализе результатов по регионам общая тенденция сохранялась (в особенности в отношении высокого уровня тревожности у атеистов, за исключением ХМАО), но наблюдались некоторые различия (рис. 4). На рисунке 3 представлены только те религии, по которым было более 10 ответов по всем переменным. В регионах, где распространен буддизм (Бурятия, Калмыкия), приверженцы этой религии также имели более низкие показатели уровня тревожности, как мусульмане и православные в других регионах. Таким образом, данные по буддистам при отдельном анализе по регионам подтвердили данные, полученные ранее (Smith, McCullough, Poll, 2003; Yonker, Schnabelrauch, DeHaan, 2021).

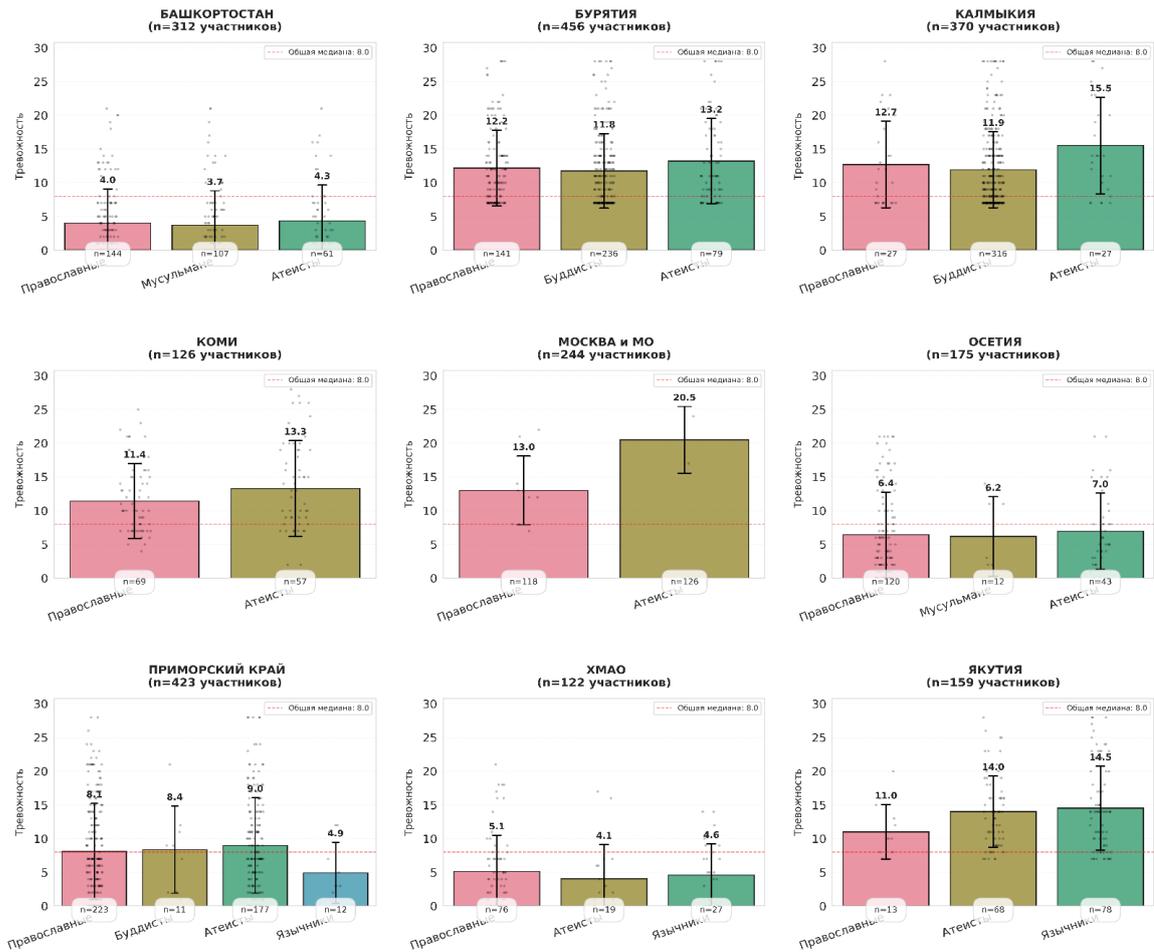

Рис. 4. Средние значения по шкале тревожности ГТР-7 в разных религиозных группах по регионам

Для проведения анализа влияния психометрических факторов на шкалу тревожности ГТР-7 был применен метод множественной линейной регрессии. Сила и направление влияния переменных на шкалу тревожности представлены в визуализированной структурной модели отдельно для мужчин и женщин (рис. 5, 6). Для обоих полов наиболее значимым фактором, ассоциированным с тревогой, являлся уровень семейного достатка — в нашем исследовании максимальные баллы по этому показателю отражали максимальный уровень бедности (рис. 5, 6). Таким образом, студенты, оценившие достаток своих семей в детстве как «бедный», имели более высокие показатели тревожности. Поскольку наши данные о семейном достатке носят субъективный ретроспективный характер, мы не можем оценить реальную степень достатка в семьях. Полученная связь имеет гипотетический характер, поэтому было бы не совсем корректно утверждать, что именно низкий уровень достатка в детстве приводит к повышению личной тревоги, очевидно, что это комплексный феномен. Однако, полученные результаты косвенно подтверждаются данными

из других стран — неравенство доходов связано с большим количеством проблем со здоровьем и более низким психологическим благополучием (King, Cai, Elliot, 2024; Sommet, Spini, 2022).

При более подробном рассмотрении региональных различий такая же взаимосвязь наблюдалась у мужчин из Бурятии ($\beta=0,192, p=0,007$), у мужчин и женщин из Приморского края ($\beta=0,184, p=0,026$; $\beta=0,205, p=0,002$), мужчин и женщин из Калмыкии ($\beta=0,261, p=0,001$; $\beta=0,121, p=0,015$), у женщин из Башкортостана ($\beta=0,219, p=0,030$), мужчин из Коми ($\beta=0,626, p=0,026$), женщин из ХМАО ($\beta=0,222, p=0,039$), мужчин из Якутии ($\beta=0,403, p=0,004$), женщин из Северной Осетии ($\beta=0,149, p=0,017$). Таким образом, экономический фактор являлся универсальным показателем.

При анализе общей выборки представления мужчин о ежедневной заботе со стороны их отца ассоциировались с высоким уровнем тревожности, причем высокий уровень тревоги наблюдался у тех респондентов, которые описывали больший уровень заботы со стороны отца (рис. 5). Никакие другие виды отцовской заботы значимо не связаны с показателями тревожности у респондентов.

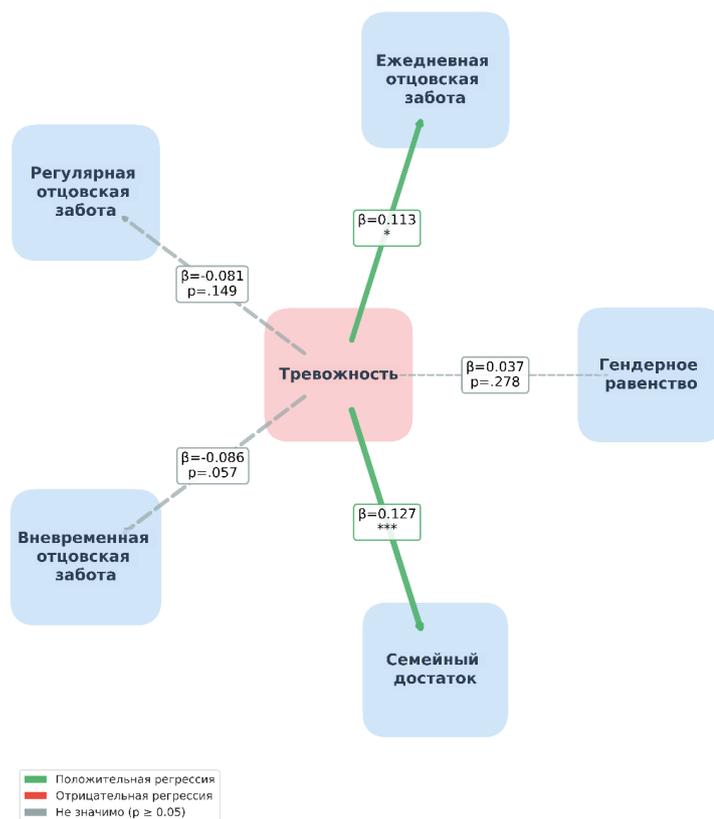

Рис. 5. Структурная модель: регрессионные связи между факторами (у мужчин)

При подробном рассмотрении региональных различий результаты были очень неоднозначны: положительная взаимосвязь тревожности с ежедневной заботой наблюдалась у мужчин из Якутии ($\beta=0,611$, $p=0,009$), отрицательная взаимосвязь тревожности с регулярной заботой у мужчин из Башкортостана ($\beta=-0,238$, $p=0,025$) и женщин из Якутии ($\beta=-0,370$, $p=0,045$). В других регионах данный показатель не оказывал значимого влияния, а полученные связи не имели высокой значимости, что скорее говорит о тенденциях. Однако, она подчеркивает важность участия отцов в воспитании ребенка и даже в развитии детской психопатологии.

В недавнем метаанализе на основе существующих исследований (в основном из Северной Америки и Европы, проведенных в период с 1981 по 2021 год — 70 выборок) была выявлена положительная и значимая связь между депрессией у отцов и детей, а также положительная и значимая связь между тревожностью у отца и ребенка (Tgeriak et al., 2023). Можно предположить, что такая связь опосредует поведение уже выросшего ребенка, однако полученные нами связи нестабильны и требуют дальнейшего изучения и увеличения выборки.

Возможно, разные аспекты отцовской заботы имеют разные, иногда противоположные эффекты, например, интенсивная ежедневная забота может восприниматься как контроль, гиперопека и дав-

ление, а регулярная, но более редкая — как более стабильная и предсказуемая. Большинство исследований сообщают о том, что небезопасные отношения привязанности между родителями и детьми (которые связаны с низкой родительской теплотой и чуткостью) значительно связаны с социальной тревожностью у детей (Manning, Dickson et al., 2017). В теоретических моделях также предполагалось, что отцы могут оказывать более значительное влияние на развитие социальной тревожности по сравнению с матерями (Bögels, Alden et al., 2010). Метаанализ 2025 года, показал, что только материнский контроль был уникально связан с усилением симптомов социальной тревожности подростков, тогда как отцовский контроль был незначимым (Howard, Oshri, Card et al., 2025). Определенно данный вопрос требует дальнейшего изучения, более детальной проверки и качественного подкрепления. Также мы не можем утверждать, что именно повышенная ежедневная отцовская забота привела к повышению тревожности респондента, очевидно, что это может быть лишь одна из составляющих.

Для женщин более высокий уровень тревожности были значимо связан с высоким уровнем гендерного равенства (рис. 6). У мужчин такой связи обнаружено не было. Это может объясняться тем, что женщины, выступающие за равенство между полами, чаще сталкиваются с социальным давлени-

ем, дискриминацией (Delgado-Herrera et al., 2024) или внутренним конфликтом полов в традиционном обществе. Российские исследователи отмечают большой гендерный разрыв в представлениях о равенстве полов. Мужчины и женщины в России демонстрируют разные идеологические взгляды на ценности гендерного равенства, что свидетельствует о наличии так называемой гендерной поляризации в обществе. Женщины склонны отдавать приоритет своим правам и интересам и стремятся

к самореализации в бизнесе и профессиях, тогда как мужчины не одобряют это стремление (Иванов, Козлов, 2021; Семенова, Буркова и др., 2025), что также может усиливать тревожность у женщин. В одном из недавних исследований, проведенном в Мексике была показана связь традиционных взглядов на гендерные роли с более низкими показателями тревожности и депрессии, в то время как нетрадиционные взгляды были связаны с более высоким уровнем депрессии (Delgado-Herrera et al., 2024).

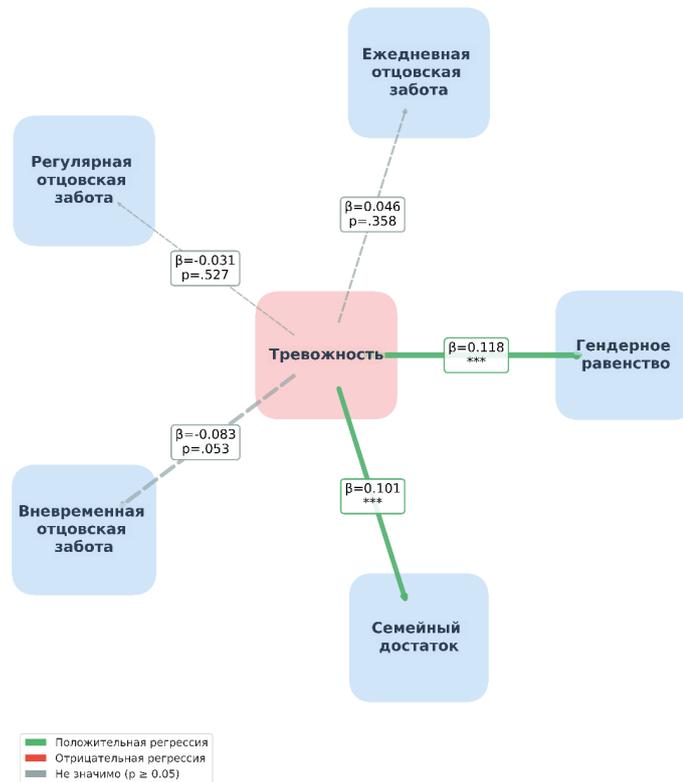

Рис. 6. Структурная модель: регрессионные связи между факторами (у женщин)

При более подробном рассмотрении региональных различий такая же взаимосвязь наблюдалась у женщин из Бурятии ($\beta=0,248$, $p=0,000$), женщин из Калмыкии ($\beta=0,138$, $p=0,045$), мужчин из Якутии ($\beta=0,321$, $p=0,031$). В данных регионах, несомненно являющимися более традиционными, более феминистские представления могут приводить к конфликту, и как следствие повышению тревожности, так как противоречат общепринятым нормам поведения женщины в семье и социуме.

Самые высокие оценки по гендерному равенству наблюдались в Москве (наиболее урбанизированный регион) и Республике Коми (преимущественно представлен русскими респондентами), самые традиционные установки — в преимущественно мусульманском Башкортостане, и буддистских Калмыкии и Бурятии (рис. 7). В Якутии

также фиксируются довольно профеминистские ответы, что, казалось бы, не типично для данного региона, однако исследователи отмечают, что в последние годы здесь характерными чертами становятся равноправие мужчин и женщин и браки по взаимному согласию (Брагина, 2021).

При этом, во всех регионах уровень гендерного равенства был выше у женщин (муж. = 68,04; жен. = 76,73; t-критерий = -17,700; $df=2441$; $p<0,001$; Cohen's $d=-0,738$). Эти данные согласуются с подавляющим большинством исследованных популяций: женщины в целом демонстрируют меньшее соответствие традиционным взглядам на гендерные роли (Буркова, Бутовская и др., 2025б; Семенова, Буркова и др., 2025; Burkova, Butovskaya et al., 2021; Delgado-Herrera et al., 2024; Spitzer et al., 2006).

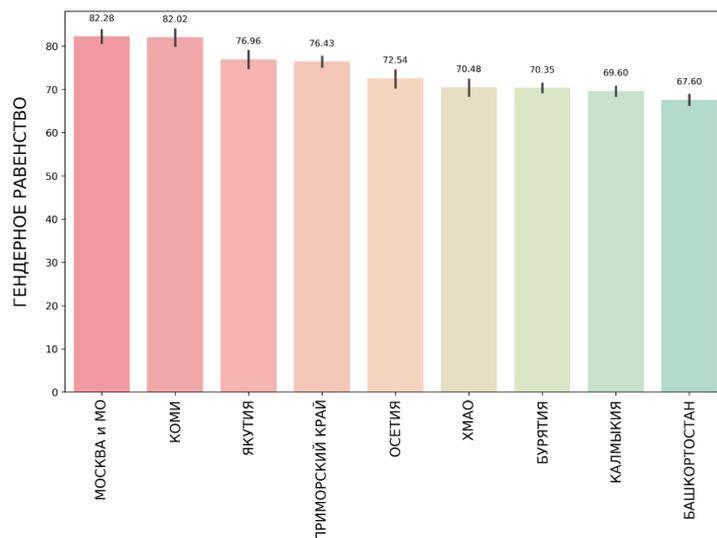

Рис. 7. Средние значения по шкале равенство полов в разных регионах

Принадлежность респондента к одной из религиозных конфессий была сопряжена с более умеренным отношением к проблеме равенства полов. Респонденты, считающие себя атеистами, демонстрировали в своих ответах наиболее радикальные взгляды идеалам гендерного равенства.

Схожие данные уже были получены нами в кросс-культурном исследовании распределения мужских и женских ролей у белорусов, болгар и русских (Семенова, Буркова и др., 2025) и тюркоязычных народов России (Буркова, Бутовская и др., 2025б).

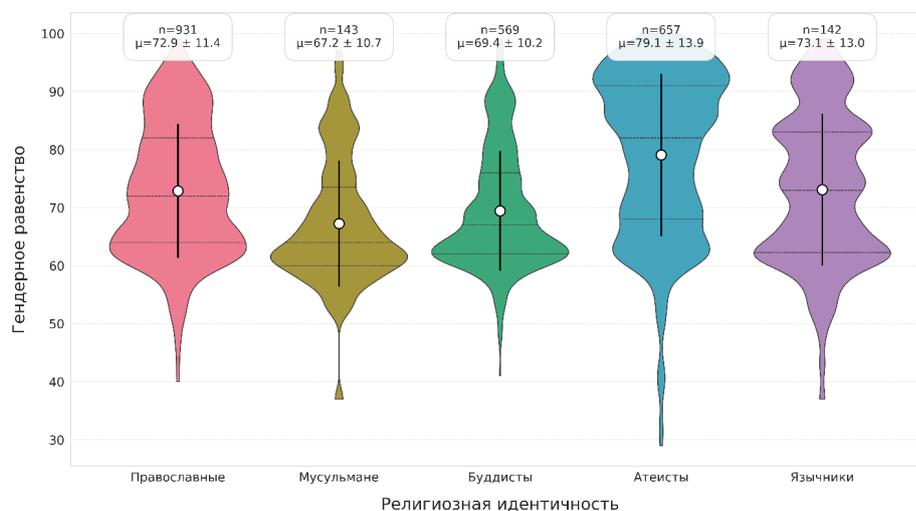

Рис. 8. Средние значения по шкале Гендерное равенство в разных религиозных группах

Заключение

В данном исследовании не устанавливалась причинно-следственная связь полученных корреляций между факторами и психологическими характеристикам. Мы не можем утверждать, что, например, именно низкий достаток в семьях или гиперопека со стороны отца в прошлом привели к повышению личной тревожности респондента в настоящем, однако полученные взаимосвязи указывают на комплексное влияние разных факторов на личностные характеристики и важность

их более подробного исследования в лонгитюдных или экспериментальных условиях.

Несмотря на большой размер выборки, исследование имеет ряд ограничений. Регионы отбирались по принципу доступности сбора материала, что несколько ограничивает возможность генерализации выводов на всю российскую молодежь. В дальнейшей работе мы планируем расширить «географию» нашего исследования, что позволит устранить этот недостаток. В исследуемой выборке преобладает количество женщин (1513

против 930 мужчин), что является классической проблемой для количественных исследований — женщины с большей охотой участвуют в различного вида опросах. Данное обстоятельство требует осторожности в интерпретации гендерных различий, и в регионах, где мужчин опрошено существенно меньше. В данном случае скорее следует говорить о тенденциях.

Экономический фактор («Семейный достаток») так же, как и «Отцовская забота» измерялись как субъективная ретроспективная оценка детства, что может быть результатом искажения памяти. Религиозность измерена как субъективная оценка самого респондента и отражает формальную принадлежность человека к той или иной вере. Таким образом, мы не можем оценить реальную степень его религиозной вовлеченности или религиозных практик.

Выводы

В исследовании был проведен анализ взаимосвязи уровня тревожности с представлениями о гендерном равенстве и ретроспективе отцовской заботы у российской молодежи из различных регионов России. Было показано, что уровень тревожности больше взаимосвязан с социодемографическими факторами (пол, религиозная принадлежность, регион), чем психологическими (отцовская забота и представления о гендерном равенстве), важное значение имел экономический фактор.

Наша гипотеза о том, что женщины из всех регионов будут иметь более высокие показатели тревожности, чем мужчины, полностью подтвер-

дилась и соответствует предыдущим исследованиям. Регионы различались по уровням тревожности и гендерного равенства, и эти различия были обусловлены экономическими причинами и религиозной идентификацией. Низкий уровень тревоги и более традиционные взгляды на гендерное равенство демонстрировали приверженцы разных конфессий (православные, мусульмане и буддисты) в сравнении с атеистами. Повышенная тревожность также была характерна для женщин, имеющих более феминистские взгляды, тогда как у мужчин данной взаимосвязи обнаружено не было.

Наиболее важным фактором, влияющим на тревожность, был семейный достаток родительской семьи. Дети, выросшие в бедных семьях, имели более высокие показатели тревожности. При этом более тревожными были респонденты, выросшие в сельской местности. Связь тревожности с представлениями об отцовской заботе имела противоречивый характер и требует дальнейших исследований.

Полученные результаты свидетельствуют о том, что трансформация традиционных семейных ценностей может негативно влиять на психологическое благополучие. Существенное значение в этом процессе имеют социокультурные детерминанты. Наши данные согласуются с предыдущими исследованиями, которые показывают, что люди, придерживающиеся традиционных убеждений в одной области, вероятно, будут придерживаться аналогичных взглядов и в других социальных сферах (Scarborough et al., 2019).

Литература:

- Алимова З.Ф.К. Современные подходы к лечению депрессии и тревожных расстройств: роль нейрофармакологии, психотерапии и инновационные методы // Биология и интегративная медицина. 2025. № 73. С. 423–430.
- Брагина Д.Г. О проблеме отцовства в современной якутской семье // The Scientific Heritage. 2021. Т. 3. № 75. С. 62–64.
- Буркова В.Н., Бутовская М.Л., Феденок Ю.Н., Ермаков А.М., Колодкин В.А., Сподина В.И., Зинурова Р.И. Тревожность и агрессия во время COVID-19: на примере четырех регионов России // Сибирские исторические исследования. 2022. № 2. С. 132–158. DOI: 10.17223/2312461X/36/8
- Буркова В.Н., Бутовская М.Л., Ермаков А.М., Галимханов А.Б., Егорова А.И., Зинурова Р.И., Калиниченко О.В., Колтун Г.Г., Кониева О.Н., Мантатова Н.В., Маитыков С.С., Милаева Т.В., Сподина В.И. Представления студентов об отцовском вкладе (данные по 10 регионам России) // Сибирские исторические исследования. 2025а. № 2. С. 224–249. DOI: 10.17223/2312461X/48/11
- Буркова В.Н., Бутовская М.Л., Семенова О.В., Амиргалина Г.Т., Галимханов А.Б., Егорова А.И., Зинурова Р.И. Мужские и женские роли у современной молодежи тюркоязычных народов (башкиры, казахи, татары и якуты) // Этнография. 2025б. Т. 2. № (28). С. 90–121. DOI: 10.31250/2618-8600-2025-2(28)-90-121
- Загвязинский В.И., Чехонин А.Д. Воспитательный потенциал отцовства: концептуальные основания исследования и поддержки // Образование и наука. 2017. Т. 19. № 10. С. 106–127. DOI: 10.17853/1994-5639-2017-10-111-132
- Золотарева А.А. Адаптация русскоязычной версии шкалы генерализованного тревожного расстройства (Generalized Anxiety Disorder-7) // Консультативная психология и психотерапия. 2023. Т. 31. № 4. С. 31–46. DOI: <https://doi.org/10.17759/cpp.2023310402>

- Иванов А. В., Козлов В. Е. Социокультурные аспекты гендерного конфликта в радикальных сетевых сообществах Рунета (по материалам полевого исследования) // Казанский педагогический журнал. 2021. Т. 4. № 147. С. 264–270. DOI: 10.51379/KPJ.2021.148.4.036
- Калина И. А. Отцовство как психологический феномен. Обзор современной зарубежной литературы // Современная зарубежная психология. 2019. Т. 8. № 4. С. 49–56. DOI: 10.17759/jmfp.2019080405
- Семенова О. В. Кросснациональный количественный анализ отцовского вклада и уровня заботы в современных постиндустриальных обществах на примере России, США и Бразилии; дис. на соискание степени канд. ист. наук. М., 2021.
- Семенова О. В., Буркова В. Н., Бутовская М. Л., Ермаков А. М., Каспарова Е. Н., Калинин О. В., Стоянова С. Мужские и женские роли в представлении белорусов, болгар и русских // Журнал фронтирных исследований. 2025. Т. 1. № 10. С. 120–149. DOI: 10.46539/jfs.v10i1.607
- Таукенова Л. М., Берова Д. М., Юсупова К. Т., Мамиева А. П. Сравнительный анализ уровней тревожности у современного молодого населения разных городов России // Медицина. Социология. Философия. Прикладные исследования. 2024. № 5. С. 132–135.
- Aggarwal S., Wright J., Morgan A., Patton G., Reavley N. Religiosity and spirituality in the prevention and management of depression and anxiety in young people: a systematic review and meta-analysis // BMC psychiatry. 2023. Vol. 23. No 729. DOI: 10.1186/s12888-023-05091-2
- Bögels S.M., Alden L., Beidel D.C., Clark L.A., Pine D.S., Stein M.B., Voncken M. Social anxiety disorder: Questions and answers for the DSM–V // Depression and Anxiety. 2010. Vol. 27. № 2. P. 168–189. DOI: 10.1002/da.20670
- Bredström A. Culture and context in mental health diagnosing: Scrutinizing the DSM-5 revision // Journal of Medical Humanities. 2019. Vol. 40. № 3. P. 347–363. DOI: 10.1007/s10912-017-9501-1
- Burkova V.N., Butovskaya M.L., Randall A.K., Fedenok J.N., et al. Predictors of Anxiety in the COVID-19 Pandemic from a Global Perspective: Data from 23 countries // Sustainability. 2021. Vol. 13(7). Art. 4017. DOI: 10.3390/su13074017
- Burkova V.N., Butovskaya M.L., Randall A.K., Fedenok J.N., et al. Factors Associated with Highest Symptoms of Anxiety During COVID-19: Cross-Cultural Study of 23 Countries // Frontiers in Psychology. 2022. Vol. 13. Art. 805586. DOI: 10.3389/fpsyg.2022.805586
- Cabeza De Baca T., Figueredo A.J., Ellis B.J. An evolutionary analysis of variation in parental effort: Determinants and assessment // Parenting. 2012. Vol. 12. P. 94–104. DOI: 10.1080/15295192.2012.680396
- Cabrera N., Volling B., Barr R. Fathers are parents, too! Widening the lens on parenting for children’s development // Child Development Perspectives. 2018. Vol. 112. P. 152–157. DOI: 10.1111/cdep.12275
- Canino G., Alegria M. Psychiatric diagnosis—is it universal or relative to culture? // Journal of Child Psychology and Psychiatry. 2008. Vol. 49(3). P. 237–250. DOI: 10.1111/j.1469-7610.2007.01854.x
- Delgado-Herrera M., Aceves-Gómez A.C., Reyes-Aguilar A. Relationship between gender roles, motherhood beliefs and mental health // PLoS One. 2024. Vol. 19(3). Art. e0298750. DOI: 10.1371/journal.pone.0298750
- Diniz E., Brandão T., Monteiro L., Veríssimo M. Father involvement during early childhood: A systematic review of the literature // Journal of Family Theory & Review. 2021. Vol. 13(1). P. 77–99. DOI: 10.1111/jftr.12410
- Garcia K.M., Carlton C.N., Richey J.A. Parenting characteristics among adults with social anxiety and their influence on social anxiety development in children: A brief integrative review // Frontiers in Psychiatry. 2021. Vol. 12. Art. 614318. DOI: 10.3389/fpsyg.2021.614318
- Hofmann S.G., Hinton D.E. Cross-Cultural Aspects of Anxiety Disorders // Current Psychiatry Report. 2014. Vol. 16. № 450. DOI: 10.1007/s11920-014-0450-3
- Howard C.J., Oshri A., Card N. et al. Perceived Mother and Father Parenting and Adolescent Social Anxiety Symptoms: A Meta-Analysis // Adolescent Research Review. 2025. DOI: 10.1007/s40894-025-00268-0
- King R.B., Cai Y., Elliot A.J. Income inequality is associated with heightened test anxiety and lower academic achievement: A cross-national study in 51 countries // Learning and Instruction. 2024. Vol. 89. Art. 101825. DOI: 10.1016/j.learninstruc.2023.101825
- Manning R.P., Dickson J.M., Palmier-Claus J., Cunliffe A., Taylor P.J. A systematic review of adult attachment and social anxiety // Journal of Affective Disorders. 2017. Vol. 211. P. 44–59. DOI: 10.1016/j.jad.2016.12.020
- McCullough M.E., Hoyt W.T., Larson D.B., Koenig H.G., Thoresen C. Religious involvement and mortality: a meta-analytic review // Health Psychology. 2000. Vol. 19. P. 211–222. DOI: 10.1037//0278-6133.19.3.211
- Quintana G.R., Ponce F.P., Escudero-Pastén J.I., et al. Cross-cultural validation and measurement invariance of anxiety and depression symptoms: A study of the Brief Symptom Inventory (BSI) in 42 countries // Journal of Affective Disorders. 2024. Vol. 350. P. 991–1006. DOI: 10.1016/j.jad.2024.01.127

- Ridley M., Rao G., Schilbach F., Patel V. Poverty, depression, and anxiety: Causal evidence and mechanisms // *Science*. 2020. Vol. 370. Art. eaay0214. DOI: 10.1126/science.aay0214
- Scarborough W.J., Sin R., Risman B. Attitudes and the Stalled Gender Revolution: Egalitarianism, Traditionalism, and Ambivalence from 1977 through 2016 // *Gender and Society*. 2019. Vol. 33. P. 173–200. DOI: 10.1177/089124321880960
- Semenova O., Figueredo A.J., Tokumaru R.S., Defelipe R., Lucci T.K., Salmon C., ... & Bytovskaya M. Evolutionary adaptation perspectives on childcare with references to life history plasticity in the modern world: Brazil, Russia, and the USA // *Adaptive Human Behavior and Physiology*. 2024. Vol. 10(2). P. 148–181. DOI: 10.1007/s40750-024-00241-6
- Smith T.B., McCullough M.E., Poll J. Religiousness and depression: evidence for a main effect and the moderating influence of stressful life events // *Psychological Bulletin*. 2003. Vol. 129. P. 614–636. DOI: 10.1037/0033-2909.129.4.614
- Sommet N., Spini D. Financial scarcity undermines health across the globe and the life course // *Social science & medicine*. 2022. Vol. 292. Art. 114607. DOI: 10.1016/j.socscimed.2021.114607
- Spence J.T., Helmreich R., Stapp J. A Short Version of the Attitudes toward Women Scale (AWS) // *Bulletin of the Psychonomic Society*. 1973. Vol. 2(4). P. 219–220.
- Spitzer R.L., Kroenke K., Williams J.B.W., Lowe B. A brief measure for assessing generalized anxiety disorder // *Archives of internal medicine*. 2006. Vol. 166. P. 1092–1097.
- Taylor S. Treating anxiety sensitivity in adults with anxiety and related disorders // *The clinician's guide to anxiety sensitivity treatment and assessment*. Academic Press. 2019. P. 55–75. DOI: 10.1016/B978-0-12-813495-5.00004-8
- Trepiak P., Trepiak T., Guérin-Marion C., Kristen A., Deneault A.-A. A systematic review and meta-analysis of the associations between father and child anxiety and depression // *Psychology of Men & Masculinities*. 2023. Vol. 24(4). P. 325–345. DOI: 10.1037/men0000413
- Wisner K.L., Moses-Kolko E.L., Sit D.K. Postpartum depression: a disorder in search of a definition // *Archives of women's mental health*. 2010. Vol. 13(1). P. 37–40. DOI: 10.1007/s00737-009-0119-9
- Yonker J.E., Schnabelrauch C.A., DeHaan L.G. The relationship between spirituality and religiosity on psychological outcomes in adolescents and emerging adults: A meta-analytic review // *Journal of Adolescence*. 2012. Vol. 35(2). P. 299–314. DOI: 10.1016/j.adolescence.2011.08.010
- Zemtsov S.P., Baburin V.L. Risks of morbidity and mortality during the COVID-19 pandemic in Russian regions // *Population and economics*. 2020. Vol. 4(2). P. 158–181. DOI: 10.3897/popecon.4.e54055

THE RELATIONSHIP OF ANXIETY WITH PERSONAL IDEAS ABOUT GENDER EQUALITY AND PATERNAL CARE AMONG YOUNG PEOPLE IN NINE REGIONS OF RUSSIA

©Valentina N. Burkova

PhD (History), Institute of Ethnology and Anthropology Russian Academy of Sciences,
Moscow, Russia
burkovav@gmail.com; ORCID: 0000-0003-4777-0224

©Marina N. Butovskaya

Dr. Sciences (History), Professor, Russian State University for the Humanities, Moscow, Russia
marina.butovskaya@gmail.com; ORCID: 0000-0002-5528-0519

©Roksana A. Voynova

North Ossetian State University after K.L. Khetagurov, Vladikavkaz, Russia
r-voinova@yandex.ru

©Azat B. Galimkhanov

PhD (Legal Sciences), Associate Professor, Institute of Law,
Ufa University of Science and Technology, Ufa, Russia
alflaw@mail.ru; ORCID: 0000-0002-0052-2912

©**Aida I. Egorova**

PhD (Psychology), Associate Professor, Institute of Psychology, North-Eastern Federal University, Yakutsk, Russia
aidaego@mail.ru; ORCID: 0000-0002-7985-4134

©**Olga V. Kalinichenko**

PhD (Psychology), Associate Professor, Far Eastern Federal University, Vladivostok, Russia
Kalynich1@mail.ru; ORCID: 0009-0001-9022-0298

©**Guli G. Koltun**

PhD (Agricultural Sciences), Associate Professor, Primorsky State Agrarian-Technological University, Ussuriysk, Russia
gulin77@mail.ru; ORCID: 0000-0001-8458-5904

©**Oksana N. Konieva**

PhD (Agricultural Sciences), Associate Professor, Kalmyk State University named after B. B. Gorodovikov, Elista, Russia
oksanakonieva@mail.ru; ORCID: 0000-0002-6117-2354

©**Fatima S. Kudzieva**

PhD (Sociology), Associate Professor, North Ossetian State University after K. L. Khetagurov, Vladikavkaz, Russia, kudz-fatima@yandex.ru

©**Natalia V. Mantatova**

Dr. Sciences (Veterinary Medicine), Professor, Buryat State Academy of Agriculture named after V. R. Philippov, Ulan-Ude, Russia
mannat75@yandex.ru; ORCID: 0009-0009-7873-5369

©**Sanal S. Mashtykov**

PhD (Biology), Associate Professor, Kalmyk State University named after B. B. Gorodovikov, Elista, Russia
sanal2004@list.ru; ORCID: 0000-0003-0329-2013

©**Tatiana V. Milaeva**

PhD (Psychology), Associate Professor, Institute for Socio-Economic and Energy Problems of the North, Komi Science Centre of the Ural Branch of the RAS, Syktyvkar, Russia
tasha20012001@inbox.ru; ORCID: 0000-0002-1675-2915

©**Victoriya I. Spodina**

Dr. Sciences (History), Ob-Ugric institute of applied researches and development, Khanty-Mansiysk, Russia
vspodina@mail.ru; ORCID: 0000-0002-6252-7831

Any transformation in any society is accompanied by increased anxiety. The aim of this study is a comparative analysis of the relationship between self-assessments of personal anxiety, perceptions of gender equality, and perceived paternal care among young Russians from nine regions including sociodemographic factors. The total sample consisted of 2,443 students from various universities in nine regions. Data analysis revealed that anxiety was more strongly influenced by sociodemographic factors (gender, religious affiliation, and region) than by psychological factors (paternal care and perceptions of gender equality). The economic factor also played a significant role. These results suggest that the transformation of traditional family values can negatively impact psychological well-being, with women being particularly vulnerable. Sociocultural determinants also play a significant role in this process.

Keywords: anxiety, GAD-7, father care, gender equality, cross-cultural research, religion, family wealth, Russian youth

REFERENCES

- Alimova Z.F.K.* (2025). Modern approaches to the treatment of depression and anxiety disorders: the role of neuropharmacology, psychotherapy and innovative methods // *Biology and Integrative Medicine*. № 73. P. 423–430.
- Bragina D.G.* (2021). On the problem of fatherhood in a modern Yakut family // *The Scientific Heritage*. Vol. 3. № 75. P. 62–64.
- Burkova V.N., Butovskaya M.L., Fedenok J.N., Ermakov A.M., Kolodkin V.A., Spodina V.I., Zinurova R.I.* (2022). Anxiety and aggression during COVID-19: on example of four regions of Russia // *Siberian Historical Research*. № 2. P. 132–158.
- Burkova V.N., Butovskaya M.L., Ermakov A.M., Galimkhanov A.B., Egorova A.I., Zinurova R.I., Kalinichenko O.V., Koltun G.G., Konieva O.N., Mantatova N.V., Mashtykov S.S., Milaeva T.V., Spodina V.I.* (2025a). Students' Perceptions of Paternal Investments (Data from 10 Regions of Russia) // *Siberian Historical Research*. № 2. P. 224–249.
- Burkova V., Butovskaya M., Semenova O., Amirgalina G., Galimkhanov A., Egorova A., Zinurova R.* (2025b). Male and Female Roles among Modern Youth of Turkic-Speaking Populations (Bashkirs, Kazakhs, Tatars, and Yakuts) // *Etnografica*. № 2(28). P. 90–121.
- Zagvyazinsky V.I., Chekhonin A.D.* (2017). The educational potential of fatherhood: Conceptual bases of research and support // *The Education and Science Journal*. № 10(19). P. 106–127.
- Zolotareva A.A.* (2023). Adaptation of the Russian version of the Generalized Anxiety Disorder-7 // *Counseling Psychology and Psychotherapy*. № 31(4). P. 31–46.
- Ivanov A.V., Kozlov V.E.* (2021). Sociocultural Aspects of Gender Conflict in Radical Network Communities of Runet (Based on Field Research) // *Kazan Pedagogical Journal*. № 4(147). P. 264–270.
- Kalina I.A.* (2019). Fatherhood as a psychological phenomenon. Review of modern foreign literature // *Journal of Modern Foreign Psychology*. Vol. 8(4). P. 49–56.
- Semenova O.V.* (2021). Cross-national quantitative analysis of paternal contribution and level of care in modern post-industrial societies on the example of Russia, the USA and Brazil. PhD (History) diss. Moscow.
- Semenova O., Burkova V., Butovskaya M., Ermakov A., Kasparova E., Kalinichenko O., Stoyanova S.* (2025). Male and Female Roles in the Perception of Young People Among Belarusians, Bulgarians, and Russians // *Journal of Frontier Studies*. № 1(10). P. 120–149.
- Taukenova L.M., Berova D.M., Yusupova K.T., Mamieva A.R.* (2024). Comparative analysis of anxiety levels in the modern young population of different cities of Russia // *Medicine. Sociology. Philosophy. Applied research*. № 5. P. 132–135.
- Aggarwal S., Wright J., Morgan A., Patton G., Reavley N.* (2023). Religiosity and spirituality in the prevention and management of depression and anxiety in young people: a systematic review and meta-analysis // *BMC psychiatry*. Vol. 23. No 729. DOI: 10.1186/s12888-023-05091-2
- Bögels S.M., Alden L., Beidel D.C., Clark L.A., Pine D.S., Stein M.B., Voncken M.* (2010). Social anxiety disorder: Questions and answers for the DSM-V // *Depression and Anxiety*. Vol. 27. № 2. P. 168–189. DOI: 10.1002/da.20670
- Bredström A.* (2019). Culture and context in mental health diagnosing: Scrutinizing the DSM-5 revision // *Journal of Medical Humanities*. Vol. 40. № 3. P. 347–363. DOI: 10.1007/s10912-017-9501-1
- Burkova V.N., Butovskaya M.L., Randall A.K., Fedenok J.N., et al.* (2021). Predictors of Anxiety in the COVID-19 Pandemic from a Global Perspective: Data from 23 countries // *Sustainability*. Vol. 13(7). Art. 4017. DOI: 10.3390/su13074017
- Burkova V.N., Butovskaya M.L., Randall A.K., Fedenok J.N., et al.* (2022). Factors Associated with Highest Symptoms of Anxiety During COVID-19: Cross-Cultural Study of 23 Countries // *Frontiers in Psychology*. Vol. 13. Art. 805586. DOI: 10.3389/fpsyg.2022.805586
- Cabeza De Baca T., Figueredo A.J., Ellis B.J.* (2012). An evolutionary analysis of variation in parental effort: Determinants and assessment // *Parenting*. Vol. 12. P. 94–104. DOI: 10.1080/15295192.2012.680396
- Cabrera N., Volling B., Barr R.* (2018). Fathers are parents, too! Widening the lens on parenting for children's development // *Child Development Perspectives*. Vol. 112. P. 152–157. DOI: 10.1111/cdep.12275

- Canino G., Alegría M. (2008). Psychiatric diagnosis—is it universal or relative to culture? // *Journal of Child Psychology and Psychiatry*. Vol. 49(3). P. 237–250. DOI: 10.1111/j.1469-7610.2007.01854.x
- Delgado-Herrera M., Aceves-Gómez A. C., Reyes-Aguilar A. (2024). Relationship between gender roles, motherhood beliefs and mental health // *PLoS One*. Vol. 19(3). Art. e0298750. DOI: 10.1371/journal.pone.0298750
- Diniz E., Brandão T., Monteiro L., Veríssimo M. (2021). Father involvement during early childhood: A systematic review of the literature // *Journal of Family Theory & Review*. Vol. 13(1). P. 77–99. DOI: 10.1111/jftr.12410
- García K.M., Carlton C.N., Richey J.A. (2021). Parenting characteristics among adults with social anxiety and their influence on social anxiety development in children: A brief integrative review // *Frontiers in Psychiatry*. Vol. 12. Art. 614318. DOI: 10.3389/fpsy.2021.614318
- Hofmann S.G., Hinton D.E. (2014). Cross-Cultural Aspects of Anxiety Disorders // *Current Psychiatry Report*. Vol. 16. № 450. DOI: 10.1007/s11920-014-0450-3
- Howard C.J., Oshri A., Card N. et al. (2025). Perceived Mother and Father Parenting and Adolescent Social Anxiety Symptoms: A Meta-Analysis // *Adolescent Research Review*. DOI: 10.1007/s40894-025-00268-0
- King R.B., Cai Y., Elliot A.J. (2024). Income inequality is associated with heightened test anxiety and lower academic achievement: A cross-national study in 51 countries // *Learning and Instruction*. Vol. 89. Art. 101825. DOI: 10.1016/j.learninstruc.2023.101825
- Manning R.P., Dickson J.M., Palmier-Claus J., Cunliffe A., Taylor P.J. (2017). A systematic review of adult attachment and social anxiety // *Journal of Affective Disorders*. Vol. 211. P. 44–59. DOI: 10.1016/j.jad.2016.12.020
- McCullough M.E., Hoyt W.T., Larson D.B., Koenig H.G., Thoresen C. (2000). Religious involvement and mortality: a meta-analytic review // *Health Psychology*. Vol. 19. P. 211–222. DOI: 10.1037//0278-6133.19.3.211
- Quintana G.R., Ponce F.P., Escudero-Pastén J.I., et al. (2024). Cross-cultural validation and measurement invariance of anxiety and depression symptoms: A study of the Brief Symptom Inventory (BSI) in 42 countries // *Journal of Affective Disorders*. Vol. 350. P. 991–1006. DOI: 10.1016/j.jad.2024.01.127
- Ridley M., Rao G., Schilbach F., Patel V. (2020). Poverty, depression, and anxiety: Causal evidence and mechanisms // *Science*. Vol. 370. Art. eaay0214. DOI: 10.1126/science.aay0214
- Scarborough W.J., Sin R., Risman B. (2019). Attitudes and the Stalled Gender Revolution: Egalitarianism, Traditionalism, and Ambivalence from 1977 through 2016 // *Gender and Society*. Vol. 33. P. 173–200. DOI: 10.1177/089124321880960
- Semenova O., Figueredo A.J., Tokumaru R.S., Defelipe R., Lucci T.K., Salmon C., ... & Bytovskaya M. (2024). Evolutionary adaptation perspectives on childcare with references to life history plasticity in the modern world: Brazil, Russia, and the USA // *Adaptive Human Behavior and Physiology*. Vol. 10(2). P. 148–181. DOI: 10.1007/s40750-024-00241-6
- Smith T.B., McCullough M.E., Poll J. (2003). Religiousness and depression: evidence for a main effect and the moderating influence of stressful life events // *Psychological Bulletin*. Vol. 129. P. 614–636. DOI: 10.1037/0033-2909.129.4.614
- Sommet N., Spini D. (2022). Financial scarcity undermines health across the globe and the life course // *Social science & medicine*. Vol. 292. Art. 114607. DOI: 10.1016/j.socscimed.2021.114607
- Spence J.T., Helmreich R., Stapp J. (1973). A Short Version of the Attitudes toward Women Scale (AWS) // *Bulletin of the Psychonomic Society*. Vol. 2(4). P. 219–220.
- Spitzer R.L., Kroenke K., Williams J.B.W., Lowe B. (2006). A brief measure for assessing generalized anxiety disorder // *Archives of internal medicine*. Vol. 166. P. 1092–1097.
- Taylor S. (2019). Treating anxiety sensitivity in adults with anxiety and related disorders // *The clinician's guide to anxiety sensitivity treatment and assessment*. — Academic Press. P. 55–75. DOI: 10.1016/B978-0-12-813495-5.00004-8
- Trepiak P., Trepiak T., Guérin-Marion C., Kristen A., Deneault A.-A. (2023). A systematic review and meta-analysis of the associations between father and child anxiety and depression // *Psychology of Men & Masculinities*. Vol. 24(4). P. 325–345. DOI: 10.1037/men0000413
- Wisner K.L., Moses-Kolko E.L., Sit D.K. (2010). Postpartum depression: a disorder in search of a definition // *Archives of women's mental health*. Vol. 13(1). P. 37–40. DOI: 10.1007/s00737-009-0119-9
- Yonker J.E., Schnabelrauch C.A., DeHaan L.G. (2012). The relationship between spirituality and religiosity on psychological outcomes in adolescents and emerging adults: A meta-analytic review // *Journal of Adolescence*. Vol. 35(2). P. 299–314. DOI: 10.1016/j.adolescence.2011.08.010
- Zemtsov S.P., Baburin V.L. (2020). Risks of morbidity and mortality during the COVID-19 pandemic in Russian regions // *Population and economics*. Vol. 4(2). P. 158–181. DOI: 10.3897/popecon.4.e54055